

Елена
Арсеньева

Госпожа
сочинительница

Исторические
новеллы
любви

Госпожа сочинительница

Елена Арсеньева

**Сильфида, ведьма,
сатанесса (Зинаида Гиппиус)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Сильфида, ведьма, сатанесса (Зинаида Гиппиус) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Госпожа сочинительница)

ISBN 5-699-13155-8

Главное предназначение женщины – заботиться о муже и детях, вести домашнее хозяйство. А если этого мало? Если в сердце горит огонь творчества, если любовное чувство выражается в виде поэтических строк? Для таких дам один путь – заняться литературой. Но на этом пути встречается столько терний и невзгод, что судьбам поэтесс позавидовать трудно. И все же – они прекрасны! О том, как жили и творили Зинаида Гиппиус, Каролина Павлова, Марина Цветаева и другие, прославившие себя в веках поэтессы, читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-13155-8

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Елана Арсеньева Сильфида, ведьма, сатанесса (Зинаида Гиппиус)

Однажды ранним утром (дело происходило летом 1903 года) некий молодой господин крадучись вышел из дверей комнаты, отведенной ему на крымской даче его добрых друзей, и точно так же осторожно, на цыпочках, чуть касаясь пола и лихорадочно пытаюсь припомнить, где именно находятся две-три предательски скрипящие половицы, чтобы, господа помилуй, не наступить на них, двинулся по коридору, стремясь как можно скорее преодолеть его и выбраться вон из дому. Он решил, что дойдет пешком до большой дороги, а там остановит какую-нибудь арбу и прикажет везти себя в город, на станцию. Ему хотелось как можно скорее уехать в Петербург... Но первым этапом этого отъезда было как можно тише и как можно незаметнее пробраться мимо закрытых дверей.

Первая дверь вела в комнату для гостей – точно такую же, в какой поместили его: в меру удобную, в меру уютную, правда, насквозь продуваемую сквозняками, однако в крымскую жару это было очень даже кстати. Да и вообще, молодой человек не имел особых претензий к быту и даже где-то презирал его. О нет, совсем не из-за того, что ему отчего-то сделалось неудобно в отведенной ему комнате или раздосадовало равнодушие хозяев, захотел он покинуть этот дом! Дело было, пожалуй, именно что в переизбытке их радушия!

Вернее, в переизбытке радушия некоторых из них...

Итак, молодой человек миновал первую дверь и, затаив дыхание, приближался ко второй. Оттуда доносилось легкое похрапывание хозяина. Гость с сожалением вздохнул, улыбнулся, прощально помахал двери и тому, кто так уютно похрапывал за ней, и на миг замер, готовясь к следующему этапу.

Ему предстояло самое трудное – преодолеть путь до лестницы. Каких-то шесть шагов, не больше, но ведь предстояло пройти мимо *третьей* двери!

Он вовсе перестал дышать и вообразил, что обратился в нечто очень легкое... ну, к примеру, в то почти невесомое сплетение стебельков, а может, веточек, которое гоняет ветер по просторным знойным крымским степям. Это растение называется перекатиполе, а по-научному, дай бог памяти, *gypsophila elegans*, кажется. Ну так вот, сейчас он изо всех сил старался вообразить себе, что он вовсе не молодой человек по имени Дмитрий (в этом доме его, чтобы отличать от хозяина, называли Димой, хозяина же величали Дмитрием Сергеевичем), а эта самая гипсофила, которая легко несется по коридору, не касаясь пола.

Дима так старался, что и впрямь ни одна коварная половица под ним не скрипнула, и он добрался, добрался-таки, до лестницы, помедлив около опасной двери всего лишь какую-то секунду: ровно столько, сколько было нужно, чтобы положить на пол и чуточку протолкнуть под эту самую дверь конверт с одним-единственным начертанным на нем словом: «*Зинаиде*». А в следующий миг перекатиполе по имени Дмитрий уже скатилось бесшумно с лестницы и понеслось через сад к дороге.

Калитка, пакость этакая, заскрипела-таки мерзким, скандальным скрипом, и Дима в ужасе обернулся: почудилось, будто *она* закричала ему вслед. Впрочем, никогда он не слышал от нее такого *бабьего* голоса, а *она*, опять-таки впрочем, на многое способна. Наверное, даже на это, особенно после *вчерашнего*...

Дима опасливо оглянулся. Нет, легкие сквозные ставни затворены, никто не простирает ему вслед руки, никто не осыпает мольбами (ага, дождешься от нее!) или проклятиями (вот это более вероятно!). Дом спит. Спит милый, добрый, ласковый Дмитрий Сергеевич, спит опасная,

как змея, и столь же непредсказуемая *Зинаида*... Солнце едва взошло, они будут спать еще долго, и исчезновение гостя обнаружится не скоро.

В этот миг он увидел впереди неторопливую арбу и припустил за ней со всех ног, как за последним спасением, радуясь словно дитя малое, что бегство его осталось незамеченным.

А вот на сей счет он немало ошибался. Потому что хозяйка – та самая Зинаида, встречи с которой юный Дима столь панически боялся, – в эту ночь глаз почти не сомкнула и, конечно, отлично слышала его крадущиеся шаги. Сначала она насторожилась, думая, что Дима вот-вот постучится в ее дверь – а то и без стука войдет (может быть, даже ворвется, что было бы гораздо более уместно после *вчерашнего*), однако вместо этого рано поутру из-под двери вдруг воровато высунулся белый уголок конверта. Зинаида какое-то время смотрела на него, думая, что этот уголок очень смахивает на издевательски высунутый язык, и уже понимая, что означает сия издевка. Потом она услышала скрип калитки и успела подняться с постели как раз вовремя – чтобы увидеть улепетывающего со всех ног Диму. Он был тонкий, длинноногий, длиннорукий, и, как это ни странно (а впрочем, тут как раз не было ничего странного, потому что Зинаида была дама очень даже не простая, мыслями витала в вышних сферах, и такая мелочь, как угадывание мыслей, была для нее плевым делом!), она подумала о нем именно такими словами, какими думал о себе сам Дима: дескать, перекатиполо несется невесть куда.

Однако вспомнить латинское название сего растения Зинаиде за недостатком классического образования не удалось, ибо, как известно, нельзя вспомнить то, чего не знаешь. Да она не слишком-то задавалась этой целью, потому что белевший на полу уголок конверта отвлекал ее все сильнее. Она какое-то время смотрела на него, безотчетно перебирая пальцами свои длинные, заплетенные на ночь рыжие косы (на солнечном свете распущенные волосы ее сияли совершенно как золото, но в полумраке утренней, заслоненной ставнями комнаты приобрели почти зловещий медный оттенок), потом, пожав плечами, подошла к двери и подняла конверт.

«*Зинаиде*» – прочла она и снова пожала плечами, прежде чем вытащить оттуда сложенный вдвое и кругом исписанный листок. И она со вздохом пожала плечами в третий раз, потому что заранее знала, что в этом письме может быть написано.

А вот тут дело было вовсе не в каких-то особенных ее способностях и умении угадывать чужие мысли. Просто-напросто ничем иным ее вчерашний афронт обернуться не мог, только вот этим дурацким, перепуганным, унижительным для нее и унижающим бедного Диму набором слов, по которым она скользнула взглядом, выхватив из них лишь некоторые:

«Зина, пойми, прав я или не прав, сознателен или несознателен, и т. д. и т. д., следующий факт именно фактом остается, с которым я не могу справиться: мне физически отвратительны воспоминания о наших сближениях.

И тут вовсе не аскетизм, или грех, или вечный позор пола. Тут, вне всего этого, нечто абсолютно иррациональное, нечто специфическое. В моих прежних половых отношениях был свой великий позор, но абсолютно иной, ничего общего с нынешним не имеющий. Была острая ненависть, злоба, ощущение позора за привязанность к плоти, только к плоти.

Здесь же как раз обратное. При страшном устремлении к тебе всем духом, всем существом своим у меня выросла какая-то ненависть к твоей плоти, коренящаяся в чем-то физиологическом...»

«Уж эти мне поэты!» – усмехнулся однажды небезызвестный Евгений Онегин. Зинаида могла бы сейчас усмехнуться: «Уж эти мне философы!» Нет, ну в самом деле, на таком, в общем-то, пустом месте, как отвергнутое женское желание, этот молодой человек умудрился наплести столько всего, что лень и скучно читать дальше. С другой стороны, не зря же даже фамилия Димины – родная, собственная, не псевдоним какой-то там эффектно выдуманной! – Философов. Ему сам бог велел мудрствовать лукаво. А ведь можно было написать куда проще: «Зина, прости, я тебя не хочу, а по-прежнему страстно хочу твоего мужа, но не хочу быть

меж вами яблоком раздора и вносить дисгармонию в ваш воистину духовный союз, а потому... удаляюсь. Прощай навсегда!»

А ведь очень может быть, что и в самом деле – навсегда...

Зинаида подошла к окну и посмотрела сквозь ставни. На дороге уже улеглась пыль, поднятая колесами той арбы, на которой панически сбежал Дима Философов, до смерти испуганный тем, что ему было вчера столь щедро предложено. Ах боже мой, как они целовались, как целовались... Зинаида до смерти любила целоваться (и умела делать это, как уверяли иные допущенные к ее устам мужчины, совершенно божественно!). Она вообще считала, что истинная любовь выражается именно в поцелуе, что в нем любящие равноправны, а *потом* кто-нибудь обязательно будет стоять над другим, возвышаться, помыкать им.

Ну и чего же ради она вчера сама пошла против себя, сама же принялась навязывать Диме это пошлое *потом*, да еще в его комнате, можно сказать, за стенкой которой (ну ладно, за двумя стенками, но какая, по большому счету, разница?) спал и похрапывал милейший Дмитрий Сергеевич? Неужели приревновала-таки Диму к мужу? Неужели возжелала-таки и для себя тех радостей, которые эти мужчины испытывают вдвоем? Неужели не поверила посланному ей вслед проклятию Сергея Дягилева, от которого она несколько лет назад увела этого юного любовника... сманив его, как она думала, своей молодой, золотоволосой, зеленоглазой, хрупкой, словно неньюфар, и в то же время разящей, словно шпага, изысканной красотой «декадентской мадонны», как Зинаиду все называли? Сергей Дягилев, некогда друг, а потом лютей враг (не такова ли, впрочем, участь всякой дружбы – обернуться рано или поздно смертельной враждой или, в лучшем случае, бытовым унынием?), кричал ей вслед, что Диме нужна не она, Зинаида, а ее муж: «Вот увидишь, он сбежит от тебя, и очень скоро!»

Разумеется, она не верила. Она и предположить не могла, что между ней и Дмитрием Сергеевичем когда-нибудь рухнет с ветки жизни хоть малое яблоко раздора, и никакого воображения (даже при Зинаидином буйном воображении писательницы, поэтессы и эссеистки) не хватало представить, что этим яблоком окажется – молодой мужчина! Ведь с первой минуты знакомства с Мережковским она знала – это про них воистину сказано в Писании: да будут двое дух един...

А впрочем, нет, не совсем так. С первой-то минуты Дмитрий ей не бог весть как понравился. Там, на Кавказе, в Боржоми, где они встретились, восемнадцатилетняя Зинаида Гиппиус была признанной королевой красоты и бессердечно кружила головы всем подряд, благо эти самые головы ей охотно подставляли и гимназисты выпускных классов, и молодые офицеры, и светские львы, отдышавшие на водах. Некоторые поклонники (они все чохом были награждены Зинаидой в ее дневнике одним-единственным безыскусным эпитетом «дурак»), вообразите себе, притащились за ней даже из самого Тифлиса, где жила семья Гиппиус, наконец-то вырвавшаяся туда после унылого-преунылого крымского захолустья Учук-Су, где у Зинаиды не было иного занятия, как читать подшивки старых журналов, до одури писать дневник да пробовать сочинять стихи, ибо она была вполне убеждена, что можно сказать, перефразируя Порфирия Петровича из «Преступления и наказания»: помилуйте, да кто же у нас на Руси себя в восемнадцать лет поэтом не считает? Зинаида обожала Достоевского в отличие от Чехова, который всегда казался ей жутко тривиален, у него даже и болезнь была банальная – чахотка (подумаешь, у Зинаиды тоже чахотка, что ж тут особенного). То ли дело Достоевский, который, как известно, маялся падучей, то есть эпилепсией... Ею страдал также Александр Македонский, это вам не хухры-мухры, одно название болезни чего стоит, похоже на имя какой-то прекрасной и загадочной дамы... Клитемнестра... Алкеста... Исидора... Эпилепсия... etc.). Обожала она и Надсона, недавно покинувшего навеки сей жестокий мир скупых издателей и восторженных читателей. Причем так, что первые Зинаидины стихи были написаны именно в

его честь и в подражание ему. И произвели они в тифлисской молодежно-поэтической среде впечатление совершенно феерическое.

Правда, положа руку на сердце, Зинаида не вполне была уверена, что именно столь сильно воздействовало на поклонников: ее удивительная красота («Высокая, стройная блондинка с длинными золотистыми волосами и изумрудными глазами русалки, в очень шедшем ей голубом платье, она бросалась в глаза своей наружностью. Эту наружность я назвал бы „боттичеллиевской“» – напишет о ней спустя несколько лет критик и публицист Петр Перцов) или оригинальность манер. «Она не дополняла свои слова жестами, но, когда двигалась, ее длинные руки и ноги вычерчивали геометрические фигуры, не связанные с тем, что она говорила» – так отзовется о Зинаиде не слишком-то доброжелательная дама-мемуаристка Нина Берберова. Ох и завистница она была, ох и язва в те дальние года... Потом-то она мнение слегка переменит, после кончины объекта своего злословия, но гадостей успеет наговорить о блистательной Зинаиде невероятное количество, с такой, знаете ли, чисто дамской «объективностью», на которую и сама госпожа Гиппиус, к слову сказать, была весьма горазда. Но влюбленный в Зинаиду критик-публицист Аким Волынский несколько смягчит впечатление: «Здороваясь и прощаясь, она вкладывала в вашу руку детски мягкую, трепетную кисть с сухими вытянутыми пальцами. Кокетливость достигала в ней высоких ступеней художественности... Странная вещь: в этом ребенке скрывался уже и тогда строгий мыслитель, умевший вкладывать предметы рассуждения в подходящие к ним словесные футляры как редко кто. Она сама была поэтична насквозь». А может, на поклонников воздействовало ее утонченное и даже где-то загадочное происхождение (предок Зинаиды звался Адольфус фон Гингст, в Россию он переселился из Мекленбурга в XVI веке, быстренько сменил фамилию на более, с его точки зрения, благозвучную – Гиппиус и открыл первую в России книжную лавку в Иноземной слободе) или ее столичная образованность. Как-никак училась она в Киевском институте благородных девиц, хотя ее уже через полгода забрали обратно: Зиночка так тосковала по дому, что практически все шесть месяцев провела в институтском лазарете, а потом в московской гимназии Фишер. Правда, через полгода врачи обнаружили у нее туберкулез, и мать, боявшаяся дурной наследственности – отец Зинаиды, Николай Романович Гиппиус, умер тремя годами раньше от этой же болезни, – моментально увезла дочь сначала в скучный Крым, а потом в веселенький Тифлис. Или все-таки на молодых людей произвели впечатление ее вовсе даже не бесталанные стихи, за которые в оном Тифлисе ее так и прозвали – «поэтесса»?

Но это было не более чем лестное прозвище (сама Зинаида потом признается: «Как я ни увлекалась Надсоном, писать „под Надсона“ не умела и сама стихи свои не очень любила. Да они и действительно были очень слабы и дики»), в то время как Дмитрий Мережковский, несмотря на то, что был старше Зинаиды всего лишь на четыре года, уже успел издать в Москве свою первую поэтическую книжку. Впрочем, творения Мережковского, как и их автор, не очень Зинаиде понравились. На почве литературных разногласий они в лето своего боржомского знакомства много спорили и ссорились... что не помешало Мережковскому спустя два месяца приехать к Зинаиде в Тифлис. То была уже совсем другая встреча! Как не без изумления напишет в дневнике Зиночка, «оба вдруг стали разговаривать так, как будто давно уже было решено, что мы женимся и что это будет хорошо».

Вот странно! «Зинаида прекрасная» (именно так ее станет потом титуловать влюбленный в нее знаменитый поэт Валерий Брюсов) избрала себе в спутники жизни не высоченного, широкоплечего красавца с пламенным взором, а маленького человека, хрупкого, ниже ее ростом. Внешне он не производил впечатления какого-то мощного творца или мыслителя. Но был им! В хрупком теле бушевали огромные страсти, как выразилась одна из знавших Мережковского дам.

О да, конечно, по словам Зинаиды, когда любишь человека, видишь его таким, каким его задумал бог. Но дело не только в том, что она разглядела под внешне невыразительной

оболочкой кладезь красоты. Зинаида почувствовала в Мережковском поистине родственную душу! Может быть, единственную на всем свете... душу. Ведь в союзе двоих ее интересовало именно единение душ – без плотского соития.

То есть так ей чудилось тогда, с высоты ее брезгливого и всеторжествующего девятнадцатилетия и ослепительной красоты...

Окно мое высоко над землею,
Высоко над землею.
Я вижу только небо с вечернею зарею,
С вечернею зарею.
И небо кажется пустым и бледным,
Таким пустым и бледным...
Оно не сжалится над сердцем бедным,
Над моим сердцем бедным.
Увы, в печали безумной я умираю,
Я умираю.
Стремлюсь к тому, чего я не знаю,
Не знаю...
И это желание не знаю откуда
Пришло, откуда.
Но сердце хочет и просит чуда,
Чуда!
О, пусть будет то, чего не бывает,
Никогда не бывает!
Мне бледное небо чудес обещает,
Оно обещает.
Но плачу без слез о неверном обете,
О неверном обете...
Мне нужно то, чего нет на свете,
Чего нет на свете.

Ну да, она всегда желала и будет желать только того, «чего нет на свете, нет на свете»! «Я хочу невозможного, подснежников в июле, когда солнце сожгло и траву...» В этом и кроются основы ее будущего счастья и ее вечного несчастья.

Дмитрий Сергеевич в ту молодую пору ощущал такое же отвращение к женской плоти, какое Зинаида чувствовала к плоти мужской. Он был убежден, что не встретит нигде в мире женщину-единомышленницу, которая немедленно после свадьбы не потащит его на брачное ложе... Бр-р, какой кошмар, какое мещанство! Однако и плотских отношений с мужчинами, которые тогда вдруг начали входить в дичайшую моду, особенно в интеллектуально-творческой среде, Мережковский еще боялся, считал, что это все определено не для него. Поэтому, узнав Зинаиду, поговорив с ней, решил, что их встреча носит мистический характер и предопределена свыше.

Зинаида тоже не сомневалась, что Дмитрий Сергеевич предназначен ей судьбой. Против судьбы идти нельзя, против бога – нельзя. Она была фаталисткой. Но очень странной фаталисткой – умела торговаться с судьбой, ладить с ней, спорить, порою сражаться, но при этом уверять всех окружающих, будто покорно тащится по воле своего рока.

Как бы не так! Не зря же она спустя всего лишь шесть лет напишет-признается:

Беспощадна моя дорога,

Она меня к смерти ведет.
НО ЛЮБЛЮ Я СЕБЯ, КАК БОГА, —
Любовь мою душу спасет.

Ох, каких скандалов и воплей будут стоить ей эти строки насчет любви к себе, как к богу! Впрочем, именно этого Зинаида и добивалась всю жизнь: скандалов и воплей, да погромче.

Но вернемся ко дню 8 января 1889 года и к этим двоим, которые вдруг объявили себя женихом и невестой, а потом и обвенчались в тифлисской церкви Михаила Архангела, оставшись каждый при своей фамилии, так что когда Зинаиду называли госпожой Мережковской, это было не более чем данью традиции. Точно так же Дмитрия Сергеевича вполне можно было бы называть господином Гиппиусом – разницы никакой, они ведь дополняли друг друга и были неразделимы друг с другом, как голова и шея... Головой был, конечно, он – мудрец, мыслитель, аналитик, знающий, чудилось, все на свете, все книги прочитавший, ну а шеей, да еще какой изящной, длинной, гибкой и поворотливой, была Зинаида. Что характерно, на свадьбе даже не было родителей жениха – они остались в Петербурге и узнали о великом событии в жизни их сына уже постфактум, когда Дмитрий обратился к матушке попросить для него у родителя (Мережковский происходил из состоятельной семьи – отец его, Сергей Иванович, служил при дворе Александра II и вышел в отставку в чине генерала, Дмитрий был младший из девяти детей, любимец матушки) одобрения женитьбы и денежного вспомоществования.

Вообще свадьбу сыграли очень скромно. Ни гостей, ни цветов, ни застолья. Невеста явилась в церковь в темно-стальном костюме и маленькой шляпке на розовой подкладке (это был первый шаг к нарушению традиций в цепи ее будущих нарядов – удивительных, эпатирующих, неподражаемых, невероятно эффектных и скандальных!). А жених пошел к алтарю в сюртуке и форменной «николаевской» шинели. Сделавшись венчанным супругом, Мережковский ушел к себе в гостиницу, а Зинаида осталась ночевать у родителей. Утром мать разбудила ее:

– Вставай! Ты еще спишь, а уж муж пришел!

И что ж тут такого, может сказать или подумать досужий читатель, чего только в жизни не бывает: ну, первую брачную ночь провели молодые раздельно, бог с ними, потом наверстают упущенное. Однако и потом, поселившись в Петербурге в собственной квартире (ее сняла и обставила для молодых добрейшая матушка Дмитрия Сергеевича), жили они так: у каждого отдельная спальня, собственный кабинет, и только гостиная общая. Здесь супруги встречались, читали друг другу свои творения, обсуждали их, принимали гостей.

А гостей собиралось – просто море! Как-то так случилось, что очень скоро дом Гиппиус – Мережковского сделался таким оазисом русской духовности начала XX века. По словам Андрея Белого, здесь «воистину творили культуру». Бог ты мой, кто тут только не собирался из представителей творческой интеллигенции! Сначала, еще в 1890-е годы, в основном появлялись писатели старшего поколения: Полонский, Плещеев, Случевский, Суворин и другие. Зинаида любила их за «добродушное эпикурейство», которого была уже лишена современная ей молодежь, не умевшая радоваться жизни. Гиппиус от всей души кокетничала со старичками и со своей замечательной красотой, с зелеными глазами, необычайно бойкая, запросто очаровывала их.

Постепенно, впрочем, в салоне начали собираться не только мэтры литературы и искусства, но и молодые писатели, поэты, художники.

Именно здесь, без преувеличения можно сказать, зародился русский символизм, потому что один из его отцов-прародителей, Николай Минский был влюблен в «Зинаиду прекрасную». Как, впрочем, и Брюсов, не без участия которого утверждение сего явления в России состоялось. Салон Гиппиус – Мережковского был даже более влиятелен в творческой среде, чем «Башня» Вячеслава Иванова. Этот интеллектуальный развратник казался простоватым и банальным рядом со злой, утонченной Зинаидой и спокойным, медлительным, гениальным

Мережковским. Ну, подумаешь, сплошное словоблудство и блудодейство на его «Башне», а здесь-то этак все... тонко, и бонтонно, и умно, и изысканно! Не побывав у Гиппиус, не заслужив ее и Мережковского одобрения, никто не мог быть удостоен чести зваться именно человеком бомонда. И не просто светского, а бомонда культурного и интеллектуального.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.